

ЗЕМЛЯ КОСТЯНЫХ БОГОВ

ВЗЫВАЮЩИЕ КОРНИ

Жуткая книга

АСТ

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К72

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается*

*В оформлении книги и обложки использованы
иллюстрации Мхи и Туманы*

Косталь, Александра.

К72 Земля костяных богов. Взывающие корни — Москва:
Издательство АСТ, 2026. — 288 с. — (Жуткая книга).

ISBN 978-5-17-185018-0

Арсений получает заказ на съемку документального фильма о марийском капище — месте массового жертвоприношения пятнадцатилетней давности, после которого его мать сошла с ума. Вместе с командой он отправляется в путь. В автобусе они знакомятся с Олей: она ищет пропавшего дедушку, которого считали сектантом. Водитель начинает рассказывать жуткие предания, но никто ему не верит. Всё меняется, когда посреди леса он высаживает девушку и бесследно исчезает, оставив молодых людей в одиночестве.

Украденный костяной идол становится проклятием — его уже не выпустить из рук. Марийские корни утягивают героев все глубже в безумие и древние предания, пугающие кровавыми ритуалами и слепой верой местных в них.

Чтобы выжить, героям нужно разгадать тайну событий прошлого, отыскать дедушку Оли и вырваться из деревни, которой нет на карте — пока земля костяных богов не поглотила их навсегда.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185018-0 © Александра Косталь, текст, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Примет вас земля	5
Глава 2. Тропы Чодыра Юмо	27
Глава 3. Корни и погубят	71
Глава 4. Жертва новому Керемету	115
Глава 5. Родной кровью заплатишь	173
Глава 6. Внутри него Кишке	187
Глава 7. Чистота марийской крови	207
Глава 8. Юмо-влак их сберегут	221
Глава 9. Невеста Чодыра маска	241
Глава 10. Предатель	269
Словарь некоторых слов и выражений на марийском языке	281
Некоторые персонажи марийского фольклора	283

Глава 1.

ПРИМЕТ ВАС ЗЕМЛЯ

Ещё никогда в жизни Оля так не боялась пропустить свою остановку. Она ехала на старом автобусе, убаюкивающе урчащем, будто кошка, на другой край республики с вполне ясной целью. Вот только с каждой минутой в голове появлялось всё больше сомнений.

За окном мелькали марийские леса. Дождь с перебивками лил уже который день, почву размыло, и Оля могла лишь надеяться, что к дому бабушки есть если не асфальтированная дорога, то хотя бы высыпанная щебнем, иначе она утонет раньше, чем найдёт его.

Поиски вполне могли затянуться, учитывая, что дед не выходил на связь уже несколько месяцев. А план Оля так и не составила, отправляясь в полную неизвестность.

Автобус подпрыгнул на очередной кочке, и она от неожиданности едва не завалилась на соседа, в то время как он даже не шелохнулся. Время от времени Оля заглядывала в его планшет от скуки, но тот смотрел только исторические передачи про гору Чумбылат, карты местности и туристические сайты. Куда бы сосед ни направлялся, Оля сомневалась, что он сможет пройти и пару шагов после высадки из автобуса, не замёрзнув: светлая толстовка, джинсы и кроссовки совершенно не соответствовали ни погоде, ни температуре. Хотя ей даже казалось, что тепло идёт от него, а не от печки под сиденьем, — смуглый, темноволосый, с почти чёрными

глазами парень будто вёз южное солнце за собой, не боясь забраться на самый север республики. Сама Оля все плотнее куталась в тёплую куртку.

Нужная остановка была следующей.

— Мы много раз ездили к твоему дедушке в гости. Ты что, не помнишь, как вы за голубикой ходили? А как он на велосипеде тебя учил ездить? — говорила мама, но в голове не возникало ни одного воспоминания. — Просто потом он переехал в совсем глухую деревню, без удобств, ударился в аскетизм этот проклятый. Для тебя, ребёнка, условий там не было, а ехать в город он отказывался.

Не признавал дедушка город. Как и прогресс, к слову. Поэтому с внучкой общался бумажными письмами, львиную долю которых Оля везла с собой в рюкзаке, заботливо прижимая его к груди. В её памяти не сохранилось ни дедушкиного лица, ни голоса — только почерк, размашистый и чуть рваный, который она любила, насколько могла.

Вот только письма не приходили уже несколько месяцев, а отправленные уходили в пустоту. Мама беспокоилась, но предпринимать что-то не собиралась: мол, может, теперь и письма ему не по вере.

Она так и сказала: «Не по вере».

Но Оля дедушку религиозным человеком не считала. Он писал ей о рассаде, походах за грибами и ягодами, прочитанных книгах и новостях из газет. Она же делилась успехами в школе, мечтами о поступлении на журфак и набросками статей. А ещё не уставала обещать, что, как только ей исполнится восемнадцать, обязательно приедет в гости.

Но у него всегда был один ответ: нет.

Ни под каким предлогом он не ждал внучку и становился раздражителен, когда она поднимала эту тему в письмах. Почерк сразу становился ещё крупнее, петли

букв «у» и «в» начинали перечёркивать соседние строки, и Оле казалось, что дед кричит на неё. Обижалась и не отвечала. Но, остыв, всё равно писала.

Дедушка присылал посылки, наполненные до верха сушёной голубикой и брусникой, но не хотел собирать ягоду вместе с внучкой. Шил игрушки из натурального меха, но не хотел вручить их лично. Через письма учил Олю играть в шахматы, но ни разу не пригласил поиграть в них.

А теперь пропал. И она, несмотря на протест матери, едет в ту самую глухую деревню, чтобы найти его — имея лишь координаты, которые на карте кажутся одинокой точкой посреди леса.

— Я не знаю, что это за деревня, — отмахнулась мама, когда Оля пришла к ней с этим вопросом. — Он оставил только эти цифры. Может, скит какой-то, а может, и охотничья избушка в лесу. Письма-то он тебе с какого адреса отправлял?

На письмах не значился адрес отправителя, только индекс с номером абонентского ящика для писем. Всё, что у неё было, — точка на севере, почти у границы с соседней областью. И поворот после Кукнура, на котором ей предстоит сойти.

— Не вздумай ехать, — дрожащим голосом говорила мама, глядя на Олю с укором, когда та собирала вещи. — У тебя учёба! Твой дедушка предпочёл нам свои странные легенды. Он почти обезумел, когда мы в последний раз виделись! Если он не пишет, значит, нет его уже на этом свете. Община, в которой он состоял, наверняка позаботилась о его теле. Похоронили, или что они там с умершими делают. Нам стоит просто смириться. Со стариками такое бывает.

— Как ты можешь говорить такое о своём отце? — не могла понять Оля. — Он же может быть в беде!

— Ты-то ему чем поможешь?

Едва ли студентка второго курса журфака, городская девочка, избалованная центральным отоплением, электричеством и горячей водой, могла выжить в каком-то ските или лесничестве. Но она не могла спать, не зная, что случилось с её дедушкой. Поэтому теперь ехала в полупустом автобусе на север по дороге, где встречные машины попадались так редко, что казалось, будто он очутился на другой планете.

Сосед тем временем заметил, что Оля наблюдает за его поисками в планшете, вернул изображение горы на экран и тихо спросил:

— Знаешь, где это?

Она встрепелась, утопая в неловкости так глубоко, что не сразу смогла найти подходящие слова для ответа на столь лёгкий вопрос. Ей удалось лишь кивнуть, смущаясь от своей реакции ещё сильнее.

— Была там?

Голос у него был глубокий, чуть хриплый, такой же обволакивающий, как и взгляд из-под сбившихся на лоб волос. Далеко не сразу в нём узнавалась пытливость.

— Нет, — качнула головой Оля, и плечи соседа разочарованно опустились. — Только сказки слышала.

Интерес, за мгновение потухший в его глазах, вновь вспыхнул.

— Какие сказки?

— Ну, про князя Чумбылата, который там похоронен, — без энтузиазма поведала она, слабо помня суть легенды. Дедушка рассказывал немало подобного, когда она только научилась читать и писать. Только намного интереснее его преданий были мультфильмы про фей, поэтому читала Оля через строчку, не слишком вникая в повествование. — И что если истинный мариец приедет туда и попросит помощи, князь поднимется из могилы и поможет. Вроде так. Правда, когда нашёлся неверующий в его помощь, Чумбылат обиделся и больше не вставал.

— Может, это и сказки!

Восклицание заставило Олю подпрыгнуть на месте. Между спинками сидений появилась кучерявая рыжая голова. Парень сзади бессовестно подслушивал их разговор и теперь решил вмешаться. Судя по лицу, он нашёл в их словах личное оскорбление.

— Может, это и сказки, — со знанием дела повторил он, поворачиваясь то к Оле, то к её соседу. — Но мариинцы сделали гору святым местом. Там молились, молятся и будут молиться! Местное капище — одно из немногих сохранившихся с языческих времён. И к этому нужно относиться с уважением.

— А кто здесь относится без уважения, Иван? — с интонацией из известного фильма ответил Олин сосед, переглядываясь с рыжим, и оба громко рассмеялись.

Они знакомы, причём довольно близко, поняла Оля. Она не разделяла веселья, но немного взбодрилась после почти полной тишины дороги. Рука сама потянулась к окну, и в тумане появилась дыра, являющая чуть менее густой лес. С каждой минутой он мельчал, предвещая новый населённый пункт.

— Хватит ржать, — раздалось громко, учительским тоном, с соседнего ряда. Голос был молодой, чуть высоковатый для мужского, по мнению Оли, но вальяжный и уверенный. — Если вы продолжите насмехаться над местной культурой, нас сожгут к чертям в первой же деревне.

Она наклонилась, рассматривая говорившего. Он был явно старше своей компании — или желал таким казаться: пальто, водолазка с высоким горлом, уложенные волосы и строгие очки с прямоугольными линзами явно добавляли ему возраста, который едва ли приближался к двадцати пяти. Парень развалился в кресле, запрокинув голову и прикрыв глаза; в слабом свете салона черты лица казались острее, чем были на самом деле.

«Качнёт автобус, и язык ведь прикусит», — подумалось Оле.

На его плече мирно дремала девушка, натянув капюшон до самого носа. Были видны лишь подбородок, шея, тугие пепельно-русые косы да крестик, вылезший из-под ворота футболки.

Рыжий тем временем поник, заткнулся и вернулся к себе. Оля успела лишь заметить россыпь веснушек на мраморной коже и длинный, чуть вздёрнутый нос. Она приподнялась на сиденье, понимая, что, кроме неё и этой четвёрки, в автобусе пассажиров не осталось.

— А вы откуда, молодёжь? — заинтересовался водитель, с приветливой улыбкой глядя на них через огромное зеркало.

Он был близок к пенсии, таскал на себе лишние пивные килограммы (живот то и дело вылезал из-под футболки) и потерял почти все волосы на голове. Почти чёрные руки выдавали в нём водителя со стажем.

— Что-то не похожи на местных.

— Я из Йошкар-Олы, — первой отозвалась Оля, приваливаясь лбом к ледяному стеклу. Зевок сдержать не удалось. — И я не с ними.

Мужчина кивнул и перевёл выжидающий взгляд на парня в очках, безошибочно определив, кто в компании за главного.

— Вы правы, мы не отсюда, — снисходительно ответил тот, не открывая глаз.

— Я не сомневался! — водитель пригрозил пальцем, коротко усмехаясь.

Его восторг от столь неважного факта удивил Олю.

— Будь вы местные, знали бы, что никто людей не сжигает. До этих земель двадцать первый век тоже добрался, к вашему сведению! Смотрите! — Он показательно поднял старый, с разбитым экраном, но всё же смартфон.

Парень наконец выпрямился и вдруг нервно сглотнул:

— Извините. Мы не хотели обидеть вас или вашу родину. Мы просто приехали снимать фильм про марийское капище и немного... впечатлены местными легендами и дурацкими байками из интернета. Но ни в коем случае не считаем, что всё так и есть. Это всё глупые поверья, ведь так?

Автобус вдруг угодил колесом в яму, и водитель с трудом справился с управлением. Пассажиры подпрыгнули, а спящая девушка упала бы, не придержи её парень в очках. Оле показалось, что в салоне стало ещё темнее, чем прежде.

— Поверья здесь разные, вы правы, — усмехнулся мужчина, заметно сбавляя скорость. — Вот только ничего интересного вы здесь не найдёте. Местные скрытные, чужих не любят. Жечь, конечно, не будут, но и терпеть — тоже. Отказаться бы вам от идеи об этом фильме. Судя по всему, вы любители. Блогеры какие-нибудь. А место сильное, земля намоленная. Чужаков не примет. А если примет, то больше не отпустит.

С каждым словом на лице его оставалось всё меньше доброжелательности, а улыбка медленно сползала, уступая место задумчивости. Тон стал почти могильным, будто он только что похоронил их, и Оля инстинктивно отодвинулась к окну. Она полагала, что разговор окончен: глава киношной экспедиции потрясённо молчал, а водитель не спешил продолжать. Но вдруг нашёл в зеркале её глаза.

— А ты куда едешь, красавица?

Нервно сглотнув, Оля подобралась и решила обойтись безобидным:

— К дедушке. В гости.

Водитель ей разонравился в одну секунду, едва заговорил о святых местах и сильной земле. Мама пре-

дупреждала, что не стоит ей отправляться в эти края; одни сектанты там, повторяла она. И первый же человек, которого Оля встретила, ещё не добравшись до точки назначения, оказался именно таким.

А она ему и координаты показала. Ещё явится ночью, благословлённый своим богом, и зарежет её, спящую. Или дом сожжёт. Иначе почему он так часто об этом повторяет?

Пока Оля размышляла, что теперь не сможет спать ночами, представляя лицо водителя в собственной крови, тот ей кивнул.

— Примет тебя земля, — пообещал он, и слова его прозвучали как проклятие. — Вас всех примет. Только каждого по-своему. Твоя остановка, красавица.

Автобус окончательно затормозил, и двери распахнулись, впуская в салон холодный воздух с ароматом хвои. Оля не заметила, как они проехали Кукнур, а дорога вновь оказалась окружена лесом. Туман обрамлял верхушки сосен, и за ним чувствовалось странное присутствие, хотя, кроме них, здесь не было людей.

Ни единой души.

Рюкзак, всю дорогу прижатый к груди, угнездился на плече, а затёкшие ноги отозвались тянущей болью. Оля застегнула куртку до самого носа, протискиваясь мимо соседа с планшетом, и двинулась прочь, не теряя водителя из поля зрения. Она оказалась на последней ступени, в шаге от влажной земли, когда он напомнил:

— Иди прямо через перелесок, он маленький, а за ним речка. Её по мосту перейдёшь, и будет деревня твоего деда.

Напоследок мужчина махнул ей рукой. Оля не успела рассмотреть странную татуировку на предплечье, но символ был явно старый, круглый, похожий на солнце. Едва она сделала такой вывод, как двери закрылись, и автобус медленно двинулся по трассе дальше.

Она осталась одна посреди леса без единого шанса на выживание.

Стоит ли говорить, что Оля, прожившая большую часть жизни в городе, не имела ни малейшего понятия, как ориентироваться на такой местности. Ни дороги, ни даже тропинки от места, где её высадили, не было, а идти прямо, как советовал водитель, было боязно.

Руки стали мёрзнуть почти сразу, поэтому пришлось прятать их в рукава. Из рта шёл пар, земля была мягкая и легко липла к сапогам, а потому оставалось надеяться, что до дома бабушки путь и в самом деле не такой далёкий, чтобы окоченеть. Оля ещё раз обернулась на дорогу, понимая, что из тумана не вывернет ни одна машина, и тяжело вздохнула. Ей всего-то нужно преодолеть перелесок, не тайгу насквозь перейти. И хотя между величественными стволами не видно света, она знала по карте, что перелесок не слишком широкий, а значит, самым тяжёлым будет решиться.

Оля тряхнула руками, сбрасывая все сомнения, и двинулась в путь.

Она читала, что стоит человеку заблудиться, как тот начинает ходить кругами. А бабушка говорил, что так Чодыра Юмо водит путников, которые плохо себя ведут в его угодьях: шумят или ломают ветки, бросают мусор. Оля шла, стараясь не наступать на ветки, и бесконечно прислушивалась. Кругом становилось всё темнее, а деревья всё плотнее заплетали небо над головой. Перелесок медленно переходил в настоящий лес. Отовсюду слышались пугающие шорохи, заглушаемые лишь колотящимся в висках сердцем.

Когда дыхание сбилось, а изо рта вырвалось облако пара, Оля остановилась. Она привалилась спиной к сосне, пытаясь отдышаться и понять, где находится. Предательские мысли подсказывали, что избежать участи сбитых с пути гостей леса ей не удалось, но разум пока

побеждал и не давал воли истерике. Сети не оказалось, и даже GPS в телефоне понятия не имел, куда завёл Олю Чодыра Юмо.

Бумажная карта оказалась так же бесполезна. Здравый смысл медленно начинал уступать место тревоге. А голодны ли дикие звери в октябре настолько, чтобы броситься на человека? Хорошо ли знает этот лес водитель, чтобы догнать её с не самыми лучшими намерениями? И можно ли замёрзнуть насмерть при такой температуре?

Оля обессиленно сползла по стволу, устраиваясь на рюкзаке. Попытка поймать сеть не увенчалась успехом, так ещё и часы застыли на времени, когда она только вышла из автобуса. Взгляд в тот момент будто нарочно упал на магнитулу водителя, и заколдованное положение цифр врезалось в память. Пятнадцать пятьдесят одна. Мама бы сказала: непростое время, эзотерически что-то значащее. Забавно выходило, что она обвиняла собственного отца в сектантстве, хотя сама зарабатывала на жизнь гаданием на популярных в последнее время картах Таро. И ладно бы просто зарабатывала — верила же. И дочь отпустила лишь после обнадёживающего расклада.

Оля вдруг рассмеялась. Так громко, что смех разошёлся эхом вокруг, медленно перетекая в истерику. Вот и подтверждение, что врут карты. Безбожно врут.

— Хрень всё это, — прошептала она, набирая ртом ледяной воздух и нисколько не боясь заболеть.

Темнело.

Автобус проехал не так много, прежде чем вновь остановился. Арсений бросил взгляд на водителя... За рулём никого не было.

— Куда он делся? — раздражённо поинтересовался Арсений, поправляя очки и оглядываясь по кругу.

Назар уткнулся в свой планшет и даже не сразу заметил, как приятель мечется, пытаясь разглядеть странного мужика в одном из окон. Снежана заёрзала, перекладывая голову на руки, и прижалась к стеклу.

— Куда этот долбанутый делся?

На этот раз головы подняли все и, секунду спустя, тоже стали оборачиваться. Арсений встал, чуть наклонясь, чтобы не задеть макушкой потолок, и пошёл к водительскому месту.

Сиденье пустовало, прикрытое салфеткой с вышитым красными нитками узором в виде странного кривого солнца.

— Может, приспичило мужику, мочевого-то не резиновый. Чего разорался? — недовольно проворчал Ваня, сонно глядя на него сквозь рыжую чёлку.

Арсений не мог объяснить своего чувства, но тревога захлёстывала с головой, будто он в ней тонул. Водитель не понравился ему с самого начала, но он был единственным, кто согласился добросить их до самого Советска. На автовокзале прямых рейсов до соседней области не было, а в обычную машину их сумки с оборудованием не влезли бы. Заказчик обещал, что встретит их ещё в Йошкар-Оле, но постоянно откладывал неизбежное.

— Появились неотложные дела, — слушал Арсений с самого их прилёта из Москвы. — Я оплачу по тройному тарифу все издержки на дорогу, но сам вас забрать не смогу. Встретимся за день до съёмок в отеле и всё обсудим, согласны?

Обстоятельства не могли не злить, но едва на карточку капала приличная сумма, все претензии испарялись. Ему не впервой было работать с такими безответственными людьми, и он отлично умел справляться